

Стивен Кинг
«Мобильник» (Cell)

Автор перевода: Фрейр

Системная память

1

Клэй стоял посередине 160-го шоссе, на месте, которое могло бы быть тенью биллбоарда в солнечный день, и смотрел на габаритные огни, пока они не скрылись из виду. Он не мог отбросить мысль, что, возможно, больше никогда не увидит Тома и Джордана (увядающие розы, прошелестело воспоминание), но не позволил ей перерасти в предчувствие. В конце-концов, они встретились уже дважды, и разве не говорят – третий раз на счастье?

Проходящий мобилоид толкнул его. Мужчина, лицо с одной стороны в запекшейся крови, – первый раненый беженец с Экспо Северных Округов, которого он видел. Мог бы увидеть больше, если бы не обогнал их. Так что он двинулся по 160-му шоссе обратно на юг. У него не было твердой причины думать, что его малыш ушел на юг, но он надеялся, что оставшаяся часть разума Джонни – его прежнего разума – скажет ему: дом в этом направлении. И это направление Клэй знал, по крайней мере.

В полумиле к югу от вспомогательной дороги ему встретился еще мобилоид, на этот раз женщина, шагающая быстро назад и вперед поперек шоссе, как капитан по палубе своего корабля. Она оглянулась на Клэя с таким раздражением, что он вскинул руки, готовый схватиться с ней, если она атакует.

Она не стала. «Кто уп-па?» – спросила она, и в голове, вполне отчетливо, он услышал: «Кто упал? Папочка, кто упал?»

«Не знаю», – сказал он, проскальзывая мимо нее. «Я не видел».

«Де я?», - спросила она, шагая туда-сюда все неистовее, и в голове он услышал: «Где я сейчас?» На этот раз он не пытался ответить, но подумал о Пикси Дак, спрашивающей: «Кто ты? Кто я?»

Клэй пошел быстрее, но недостаточно быстро. Шагающая женщина позвала вдогонку, заставив его похолодеть: «Кто Пик' А?»

И в голове раздалось эхо вопроса, с холодной ясностью. Кто Пикси Дак?

2

В первом доме, в который он вломился, оружия не было, зато был внушительный «длинноствольный» фонарь, и он направлял его на всех попадающихся на пути мобилоидов, всегда с одним и тем же вопросом, пытаясь одновременно спроектировать его в уме, как слайд на экран: «Вы видели мальчика?» Ответов он не получал, и слышал только ускользающие обрывки мыслей в своей голове. У второго дома был припаркован симпатичный Додж, но Клэй не рискнул взять его. Если Джонни на этой дороге, он идет пешком. На машине Клэй мог бы упустить мальчика, даже при медленной езде. В буфете он обнаружил консервированную ветчину, которую вскрыл прикрепленной открывашкой и поедал, возвращаясь на дорогу. Наевшись до отвала, он собрался выкинуть в траву остатки, когда заметил пожилого мобилоида. Тот стоял у почтового ящика, глядя на него печальными голодными глазами. Клэй протянул банку и старик взял ее. Затем, говоря медленно и четко, стараясь изобразить Джонни в своей голове, Клэй спросил: «Вы видели мальчика?» Старик прожевал ветчину. Проглотил. Вроде бы задумался. Сказал: «Там». «Там», - повторил Клэй. «Правильно. Спасибо». И пошел дальше.

В третьем доме, примерно на милю южнее, он нашел в подвале .30-30 и три коробки патронов. А на кухне обнаружил мобильник, в зарядном устройстве на стойке. Зарядник - естественно - был мертв, но когда он нажал кнопку на телефоне, тот пискнул и тут же включился. Высветился лишь один прямоугольник, но это не было

сюрпризом. Пограничный пункт мобилоидов находился на границе зоны приема.

Он двинулся к двери, с заряженной винтовкой в одной руке, фонариком в другой и сотовым телефоном, прицепленным к поясу, и тут почувствовал, что с ног валится от усталости. Качнулся в сторону, словно получив удар молотом, обитым ватой. Он хотел идти, но здравый смысл, который еще мог собрать его утомленный разум, говорил о необходимости поспать. Возможно, сон был не такой уж плохой идеей. Если Джонни был где-то рядом, существовала немалая вероятность, что он тоже спал.

«Переключайся на дневную смену, Клэйтон», – пробормотал он. «Ни хрена ты не найдешь среди ночи со своим фонариком»

Это был маленький домик – дом пожилой пары, судя по портретам в гостиной и единственной спальне и перилам вокруг туалета в единственной ванной. Кровать была аккуратно застелена. Он лег, не убирая покрывало, только снял ботинки. И сразу же накатило полное изнеможение, на него словно опустился тяжелый груз. Он не смог бы даже представить себя встающим с постели. В комнате присутствовал запах, такой может быть у старой женщины, подумал он. Старческий запах. В нем чувствовалась почти такая же усталость, как его собственная. Здесь, в тишине, бойня на Экспо-площадке казалась далекой и нереальной, как идея комикса, который он никогда не нарисует. Слишком ужасно. Как раз для Темного Странника, – сказала бы Шерон, старая добрая Шерон. В самый раз для твоих апокалиптических ковбоев.

Его разум словно поднялся и парил над телом. Он вернулся – лениво, без спешки, – к моменту, когда они втроем стояли у очистного фургона, как раз перед тем, как Том и Джордан забрались обратно. Джордан повторил то, что сказал в Гэйтене, что человеческие мозги – просто большие старые жесткие диски, и Импульс стер с них все начисто. Джордан сказал, Импульс подействовал на человеческий мозг, как электромагнитное излучение – ЕМР.

Ничего не осталось кроме ядра, сказал Джордан. А в ядре было заложено убийство. Но, поскольку мозги – это органические жесткие диски, они начали восстанавливать себя. Перезагружаться. Только сигнальный код оказался дефектным. Я не могу этого доказать, но я уверен, что стадное поведение, телепатия, левитация – все это из-за сбоя в коде. Код был дефектным, с глюками, с самого начала, и глюки стали частью перезагрузки. Понимаете?

Клэй кивнул. Том тоже. Мальчик смотрел на них, лицо перепачкано кровью, усталое и серьезное.

Но между тем сигнал не прекращается, верно? Потому что где-то компьютер работает от батарей, и на нем запущена эта программа. Программа гнилая, и глюки в ней продолжают мутировать. В конце питание может отключиться или программа загниет настолько, что сама остановится. А пока... возможно, у вас получится использовать это. Я говорю возможно, понимаете? Все зависит от того, действует ли мозг так же, как действуют серьезно защищенные компьютеры, попадая под ЕМР.

Том спросил, как же они действуют. И Джордан одарил его изможденной улыбкой. Они сохраняют в системную память. Все данные. Если так же происходит с людьми, и если бы вы могли стереть «мобильную» программу, старая программа могла бы в итоге загрузиться.

«Он имел в виду человеческую программу», – пробормотал Клэй в темной спальне, вдыхая сладковатый, слабый аромат старости. «Человечность, сохраненная где-то очень глубоко. Вся целиком». Он засыпал, словно уплывал прочь. И если что-нибудь должно ему присниться, он надеялся, что это будет не бойня в Экспо Северных Округов. Последняя мысль перед тем, как сон завладел им, была о том, что в конце концов мобилоиды могли бы стать лучше. Да, они родились в насилии и ужасе, но рождение обычно бывает тяжелым, часто насильственным и иногда ужасным. Как только они начали собираться в стаи и соединяться разумами, насилие приутихло. Насколько он знал, они не вели настоящую войну с норми, если конечно не рассматривать насильственное преобразование в мобилоидов как военные действия. Репрессии, последовавшие за уничтожением стай, были отвратительны, но вполне доступны пониманию. Предоставленные самим себе, они могли итоге оказаться лучшими хозяевами

земли, чем так называемые нормы. Они бы точно не стали лезть из кожи вон ради пожирающих газ авто – не с их способностью к левитации (и не с их довольно примитивными потребительскими запросами, если на то пошло). Черт, даже их музыкальный вкус улучшился напоследок.

Но какой у нас был выбор? – подумал Клэй. Выживание – как любовь. Оба слепы.

Затем он погрузился в сон, и снилась ему не бойня в Экспо. Во сне он был в палатке бинго, и когда ведущий провозгласил: «Б-12 – это витамин солнечного света!», он почувствовал, как кто-то дергает его за штанину. Он заглянул под стол, и Джонни был там, и улыбался ему. И где-то звонил телефон.

3

Не вся ярость иссякла у выживших мобилоидов, и их дикие таланты не полностью исчезли. Около полудня на следующий день – холодный и сырой, с привкусом ноября в воздухе – Клэй наткнулся на двоих, яростно дерущихся на обочине. Сначала они дрались кулаками, затем царапались, в конце концов сплелись в клубок, ударяя друг друга головами, кусая за щеки и за шеи. При этом они начали медленно подниматься над дорогой. Клэй с отвисшей челюстью наблюдал, как они достигли высоты футов в десять, не прекращая схватку и словно опираясь ногами на невидимый пол. Затем один вгрызся в нос соперника, парня в рваной, заляпанной кровью футболке с надписью ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО. Пожиратель носов толкнул ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО назад. ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО потерял равновесие и рухнул, как камень на дно колодца. Из разорванного носа фонтаном била кровь. Пожиратель носов посмотрел вниз, и, видимо только сейчас осознав, что находится на высоте второго этажа, тоже грохнулся на дорогу. Как Дамбо, упустивший свое волшебное перо, подумал Клэй. Носопожиратель вывихнул колено и лежал в пыли, оскалив выпачканные в крови зубы, рыча на проходящего Клэя.

Однако эти двое были исключением. Большинство попадавшихся Клэю мобилоидов (ему не встретился ни один

норми, ни в этот день, ни на протяжении всей следующей недели) казались потерянными и сбитыми с толку, лишенные поддержки коллективного разума стаи. Клэй снова и снова вспоминал о том, что сказал Джордан перед тем, как забрался обратно в фургон и отправился в северные леса, в места, недоступные для сотовой связи: если черви продолжат мутировать, их новейшие трансформации не будут ни мобилоидами, ни норми.

Клэй подумал, это напоминает Пикси Дак, только зашло немного дальше. Кто ты? Кто я? Эти вопросы читались в их глазах, и он подозревал – нет, знал – именно эти вопросы они пытались задать, издавая свое нечленораздельное бормотание.

Он продолжал спрашивать «Вы видели мальчика?», пытаясь послать изображение Джонни, но без всякой надежды на осмысленный ответ. В большинстве случаев он не получал ответа вообще. Следующую ночь он провел в трейлере, примерно в пяти милях к северу от Гарлейвиля. Утром, в девять с небольшим, он заметил маленькую фигурку на обочине у Гарлейвиль-Кафе, посреди городского бизнес-квартала.

Это невозможно, подумал он, но ускорил шаг, а когда оказался чуть поближе – достаточно близко, чтобы разглядеть: фигурка детская, а не просто миниатюрного взрослого – побежал. Его новый рюкзак начал подпрыгивать вверх-вниз на спине. Ноги достигли короткой полоски Гарлейвильского тротуара и захлопали по бетону.

Это был мальчик.

Очень худой мальчик с длинными волосами, доходившими почти до плеч его футболки «Ред Сокс».

«Джонни!» – закричал Клэй. «Джонни-Джи!»

Мальчик испуганно обернулся. Рот приоткрылся, глаза не выражали ничего, кроме смутной тревоги. Казалось, он думает о том, чтобы убежать, но прежде, чем он успел сдвинуться с места, Клэй уже подхватил его и покрывал поцелуями чумазное, не реагирующее лицо.

«Джонни», – повторял Клэй. «Джонни, я пришел за тобой. Я пришел. Я пришел за тобой. Я пришел за тобой».

В какой-то момент – может быть, потому, что человек, державший его, начал кружиться с ним на руках, ребенок обнял Клэя за шею. И еще он произнес что-то. Клэй отказывался верить, что это просто бессвязный звук, такой же бессмысленный, как ветер, дующий в горлышко пустой бутылки. Это было слово. Возможно, «таал», как если бы мальчик пытался сказать «устал».

Или «па-а», как когда он впервые, в шестнадцать месяцев, назвал своего отца.

И Клэй предпочел ухватиться за эту соломинку. Поверить, что бледный, грязный, исхудавший малыш, цепляющийся за его шею, назвал его папой.

4

Соломинка тонковата для того, чтобы за нее держаться, думал он неделю спустя. Один звук, похожий на слово, одно слово, похожее на «папа». Сейчас мальчик спал на раскладушке в чулане при спальне. Здесь Джонни было уютно, а Клэй устал выуживать его из под кровати. В чулане можно было почувствовать себя почти как в материнской утробе, и это, похоже, успокаивало мальчика. Возможно, это было частью трансформации, которой подверглись он и другие. Небольшая трансформация. Мобилоиды в Кавшаке превратили его сына в одержимого слабоумного, лишенного даже поддержки стаи.

Снаружи, под серым вечерним небом, падал мелкий снег. Холодный ветер разносил его по неосвещенной Главной улице Спрингвэйла волнистыми змейками. Казалось, для снега еще слишком рано, но, конечно, рано не было, тем более в этих северных краях. Когда он выпадает перед Днем благодарения, ты огорчаешься, а если перед Хэллоуином – огорчаешься вдвойне, а затем кто-нибудь напоминает тебе, что ты живешь в Мэйне, а не на острове Капри.

Он хотел бы знать, где сейчас Том, Джордан, Дэн и Дэниз. Как справится Дэниз, когда придет время рожать. Он полагал, у нее все будет о'кей – получится настоящий крепыш. Интересно, думают ли о нем Том и Джордан так же часто, как он о них, скучают ли по нему, как он по ним скучает – по серьезным глазам Джордана, ироничной улыбке Тома. Он не успел как следует насмотреться на эту улыбку – то, через что они прошли, было не слишком забавно.

Была ли эта последняя неделя, проведенная с сыном, самой одинокой в его жизни? Видимо, да.

Клэй посмотрел на мобильник, который держал в руке. Большого всего на свете его интересовало именно это. Сделать ли еще один звонок. На маленьком экране мобильного появились черточки, когда он включил его, три четкие черточки, но заряда не хватит навечно, и он это знал. Не мог он рассчитывать и на то, что Импульс будет продолжаться до бесконечности. Батареи, посылающие сигнал на спутниковые антенны (если происходило именно это, и если происходило до сих пор) могли выйти из строя. Или Импульс мог мутировать в обычную несущую волну, идиотский шум или высокочастотный писк, который можно услышать, если попадешь по ошибке на чей-нибудь факс.

Снег. Снег двадцать первого октября. Было ли это двадцать первое? Он потерял счет дням. Одно он знал точно – мобилоиды будут умирать снаружи, все больше каждую ночь. Джонни мог бы быть одним из них, если бы Клэй не искал и не нашел его.

Вопрос только, что он нашел?

Что он спас?

Паа...

Папа.

Может быть.

Определенно, малыш не произнес с тех пор ничего, даже отдаленно напоминающего слово. Ему нравилось гулять с Клэем... но он также был склонен сбиваться с пути и брести в своем собственном направлении. Когда такое происходило, Клэю надо было ухватить его, как вы ухватили бы малыша, пытающегося отойти куда-нибудь на

парковке у супермаркета. И каждый раз, делая это, Клэй не мог не думать о заводном роботе, который был у него в детстве, о том, как он всегда находил дорогу в угол и стоял там, маршируя без толку, пока его не разворачивали обратно к центру комнаты.

Джонни оказал краткое, паническое сопротивление, когда Клэй нашел машину ключом в зажигании, но как только он пристегнул мальчика, закрыл дверцу и поехал, Джонни снова успокоился, затих и казался почти загипнотизированным. Он даже нашел кнопку, открывающую окно, и позволил ветру дуть себе в лицо, закрыв глаза и слегка приподняв голову. Клэй смотрел, как ветер отдувает назад длинные, грязные волосы сына и думал, Боже, помоги мне, это все равно что ехать с собакой.

Когда они доехали до дорожного рифа, который нельзя было обогнуть, и Клэй помог Джонни вылезти из машины, он обнаружил, что его сын намочил штаны. Он потерял свои туалетные навыки вместе с языком, подумал Клэй мрачно. Оказалось, это действительно так, но последствия были не такими ужасными, как Клэй опасался. Джонни разучился пользоваться туалетом, но когда его останавливали и выводили в поле, он мочился, если испытывал нужду. Или, если ему надо было присесть, он делал это, глядя задумчиво в небо, пока опорожнял свой кишечник. Может, наблюдая за курсом пролетающих птиц. А может и нет.

Не приученный к туалету, но приученный проситься. И опять Клэй не мог перестать думать о собаках, которые у него были.

Только собаки не просыпались и не кричали на протяжении пятнадцати минут каждую ночь.

5

В ту первую ночь они остановились в доме неподалеку от Фактории Ньюфилд, и когда начались крики, Клэй подумал, Джонни умирает. Хотя мальчик заснул у него на руках, когда Клэй проснулся, он исчез. Джонни оказался не на кровати, а под ней. Клэй заполз вниз, в душную пещеру, заполненную комками пыли, с пружиной, торчащей в дюйме над его головой, и прижал к себе тонкое тело,

на ошупь словно железный рельс. Крики мальчика были пронзительней и громче, чем могли бы произвести такие маленькие легкие, и Клэй осознал, что слышит их усиленными в своей голове. Все волосы Клэя, даже лобковые, казалось, встали дыбом.

Джонни кричал под кроватью почти пятнадцать минут, затем остановился так же резко, как начал. Его тело обмякло. Клэю пришлось прижать голову к его боку (одна рука мальчика каким-то образом обвилась вокруг его шеи в этом невероятно ограниченном пространстве), чтобы удостовериться, что он дышит. Он вытащил Джонни наружу, обмякшего, как мешок с мукой, и уложил пыльное, грязное тельце обратно на кровать. Лежал рядом с ним не смыкая глаз около часа, пока сам не провалился в сон. Утром он снова оказался один в постели. Джонни опять заполз под кровать. Как побитая собака, отыскивающая как можно более тесную нору. Полная противоположность прошлого поведения мобилоидов... но Джонни, конечно, не походил на них. Джонни был новым существом, помоги ему Бог.

6

Теперь они были в уютном коттедже зрителя рядом со Спрингвильским Лесным Музеем. Здесь было изобилие пищи, дровяная печь, свежая вода из ручного насоса. Был даже химический туалет (хотя Джонни не мог им пользоваться; Джонни пользовался задним двором). Все современные удобства, с 1908 г.

Это было тихое время, не считая ночных припадков крика у Джонни. Раньше у него было время подумать, и теперь, когда он стоял у окна гостиной, наблюдая, как снег кружит по улице, пока его сын спал в своем маленьком чуланном укрытии, пришло время осознать, что этот период раздумий закончен. Ничего не изменится, если он это не изменит.

Тебе понадобится еще один мобильник, сказал Джордан. И ты должен будешь отвезти его туда, где действует связь.

Здесь связь действовала. Все еще действовала. Черточки на телефоне доказывали это.

Насколько может быть хуже? – спросил Том. И пожал плечами. Но конечно он мог пожимать плечами, не так ли? Джонни не был ребенком Тома, у Тома сейчас был свой собственный малыш.

Все зависит от того, делают ли мозги то же, что и серьезно защищенные компьютеры, когда попадают под действие электромагнитного импульса, сказал тогда Джордан. Они сохраняют в системную память.

Системная память. Фраза, обладающая некой силой.

Но надо сначала стереть мобилоидную программу, чтобы освободить место для этой, такой чересчур теоретической, второй перезагрузки. И идея Джордана – подвергнуть Джонни воздействию импульса еще раз, как разжигание встречного пожара, чтобы остановить пожар лесной, казалась такой пугающей, такой опасно переходящей границы, учитывая тот факт, что у Клэя не было возможности узнать, в какую программу Импульс мутировал к этому времени... если предположить, что он до сих пор действует.

«Системная память», – прошептал Клэй. Снаружи было почти совсем темно; падающий снег выглядел еще призрачнее, чем обычно.

Сейчас Импульс был другим, он был уверен в этом. Он вспомнил первых мобилоидов, на которых наткнулся, бодрствовавших ночью, тех самых, с пожарной станции Гарлейвила. Они дрались из-за старого насоса, но при этом делали кое-что еще – они разговаривали. Не просто издавали фантомные звуки, напоминая слова, а говорили. Не ахти что, конечно, не великосветская беседа на вечеринке с коктейлями, но все-таки говорили друг с другом. Убирайся. Сам убирайся. Плевал я на тебя. И вечно популярное: иди на... Те двое отличались от первоначальных мобилоидов – мобилоидов из эры Ободранного – и Джонни отличался от этих двоих. Почему? Потому что червь все еще чавкал, а программа Импульса продолжала мутировать? Вероятно.

Последнее, что сказал Джордан, перед тем как поцеловать его на прощание и отправиться на север, – если установить новую версию программы поверх той,

которую Джонни и остальные получили в контрольной точке, они могут сожрать одна другую. Потому что именно это делают черви. Они едят.

И затем, если старая программа еще здесь... если она сохранена в системной памяти...

Клэй обнаружил, что его растревоженный разум возвращается к Алисе – Алисе, потерявшей мать, Алисе, которая нашла способ быть храброй, переместив все страхи в детский башмачок. Где-то в четырех часах от Гэйтена, на 156-м шоссе, Том предложил очередной группе норми присоединиться к их пикнику у дороги. Это они, сказал один. Гэйтенская банда. Другой сказал Тому, он может идти к черту. И тут Алиса вскочила. И сказала –

«Она сказала, по крайней мере мы сделали что-то», – произнес Клэй, глядя на темнеющую улицу. «Затем спросила у них: А что, ёпрст.., сделали вы?»

И это и был ответ, истина устами мертвой девушки. Джонни Джи не становилось лучше. Клэй мог выбрать одно из двух: смириться с тем, что имел, или попытаться что-то изменить, пока еще было время. Если было.

Клэй использовал лампу на батарейках, чтобы осветить путь в спальню. Дверь чулана была приоткрыта, и он мог видеть лицо Джонни. Во сне, лежа щекой на руке, с взъерошенными волосами, он выглядел почти в точности так, как мальчик, которого Клэй поцеловал на прощание, отправляясь в Бостон со своей папкой Темного странника тысячу лет назад. Немного худее; в остальном совершенно такой же. Только когда он не спал, была заметна разница. Безвольный рот и пустые глаза. Опущенные плечи и бесцельно болтающиеся руки.

Клэй открыл дверь чулана до конца и встал на колени у раскладушки. Джонни слегка дернулся, когда свет фонарика упал на его лицо, и снова успокоился. Клэй не был религиозным человеком, и события последних недель не слишком укрепили его веру в бога, но он нашел своего сына, что есть, то есть, и он послал молитву тому, кто мог услышать. Она была краткой, но меткой: «Тони, Тони, выходи, что потеряно, найди!»

Он открыл мобильник и нажал на кнопку включения. Мобильник тихонько бипнул. Экран засветился янтарным светом. Три черточки. Он на секунду замешкался, но касательно того, куда звонить, был лишь один надежный вариант: тот, который выбрал Ободранный и его приятели.

Набрав три цифры, он протянул руку и потряс Джонни за плечо. Мальчик не хотел просыпаться. Он застонал и попытался отодвинуться. Затем попытался перевернуться. Клэй помешал ему.

«Джонни! Джонни-Джи! Просыпайся!» Он затряс его сильнее и продолжал трясти, пока мальчик наконец не открыл свои пустые глаза и не посмотрел на него, настороженно, но без человеческого любопытства. Это был взгляд собаки, с которой плохо обращаются, взгляд, разбивающий Клэю сердце каждый раз, когда он видел его.

Последний шанс, подумал он. Ты действительно собираешься сделать это? Шансы могут быть меньше, чем один к десяти. Но каковы были шансы, что он вообще найдет Джонни?

Что Джонни покинет Кашвакамак до взрыва, если на то пошло? Один к тысяче? К десяти тысячам? Собирался ли он жить с этим настороженным, но лишенным интереса взглядом, в то время как Джонни исполняется тринадцать, затем пятнадцать, затем двадцать один? В то время как его сын спит в чулане и испражняется на заднем дворе?

«По крайней мере, мы сделали что-то», - сказала Алиса Максвелл.

Он посмотрел на экран над клавиатурой. Цифры 911 выделялись, яркие и черные, как знак судьбы.

У Джонни слипались глаза. Клэй еще раз встряхнул его, не давая снова провалиться в сон. Он сделал это левой рукой. Большим пальцем правой он нажал кнопку вызова на телефоне. Прошло достаточно времени, чтобы сосчитать: Миссисипи ОДИН... Миссисипи ДВА, прежде чем «calling» на маленьком экране мобильного сменилось на «connected». Как только это произошло, Клэй Риддел не позволил себе тратить время на раздумья.

Конкурс на лучший любительский перевод последней главы романа «Мобильник» (Cell)
Проект сайтов www.stephenking.ru и stking.narod.ru

«Эй, Джонни-Джи», - сказал он. «Ту-Ту -это-тебя» И прижал трубку к уху сына.

© Перевод Фрейр, 2006